

Каламкарян Р.А.

ИНСТИТУТ МИРНОГО РАЗРЕШЕНИЯ СПОРОВ КАК ИММАНЕНТНО ПРИСУЩИЙ ЭЛЕМЕНТ СОВРЕМЕННОГО МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА (ЧАСТЬ ВТОРАЯ. ОКОНЧАНИЕ)

Аннотация. Предметом исследования настоящей статьи является институт мирного разрешения споров в современном международном праве. Система международного права носит целостный по форме и законченный по содержанию характер. Институт мирного разрешения споров как имманентно присущий миропорядку на основе верховенства права включает в себя комплекс общепризнанных процедур: переговоры, обследования, посредничество, примирение, арбитраж, судебное разбирательство. Отмечено, что судебное разбирательство с юридической точки зрения имеет все преимущества по отношению к другим средствам. Применялись общенаучные (сравнение, анализ, синтез, абстрагирование, обобщение) и частнонаучные методы (формально-догматический, сравнительно-правового исследования и др.). Сделан вывод, что Российская Федерация в порядке заявленной приверженности верховенству права в рамках своего внешнеполитического курса последовательно выступает за повышение роли Международного суда как главного судебного органа ООН. Предметное позиционирование Международного суда обозначает себя в формате институционно обустроенных процедур по обеспечению права.

Ключевые слова: Современное международное право, мир, мирное разрешение споров, ООН, Международный суд ООН, верховенство права, внешняя политика, Российская Федерация, обязательная юрисдикция, право.

Abstract: The subject of this research is the institution of peaceful dispute resolution in modern international law. The system of international law carries a character that is complete in its form and finished in content. The institution of peaceful dispute resolution as an immanently inherent element to world order and based on the rule of law, contains a complex of generally acknowledged procedures: negotiations, examinations, mediation, reconciliation, arbitration, and trial. The author notes that from juridical perspective, the trial has all the advantages with regards to other means. A conclusion is made that following the stated commitment to rule of law, within the framework of its foreign policy the Russian Federation supports the role of the International Court of Justice as the supreme judicial authority. The subject positioning of the International Court of Justice defines itself in the format of institutionally structured procedures on provision of law.

Keywords: Rule of law, International Court of Justice, UN, peaceful resolution of disputes, world, modern international law, foreign policy, Russian Federation, obligatory jurisdiction, law.

Какое же воздействие оказывает принцип добросовестности на процесс практического применения участниками судебного разбирательства правомочия в рамках действия принципа взаимности?

Прежде всего речь идет о том, что государство, намеревающееся сделать соответствующую оговорку к своей декларации о признании обязательной юрисдикции суда, призвано своими действиями не лишать

существа принимаемого им обязательства согласно факультативной клаузуле п. 2 ст. 36. Таково, как известно, общее правило. И если государство все-таки сочло целесообразным сделать соответствующую оговорку, то оно не вправе предпринимать какие-либо меры с целью воспрепятствовать другому участнику процесса сформулировать на этот счет свои собственные оговорки. Вопрос стоит еще более жестко, когда государство, сделав оговорку, которая допускает возможность для произвольного, расширительного толкования постановлений декларации, предпринимает действия с целью противопоставить ее противоположной стороне – участнице судебного разбирательства. Государство должно использовать свои правомочия в рамках признанного за ним права делать оговорки согласно п. 3 ст. 36 Статута Суда исключительно на основе принципа добросовестности.

Добросовестность при использовании полномочий, присущих праву, предполагает готовность субъекта права использовать вытекающее из этого права полномочие на честной и разумной основе в полном соответствии как с духом и целью, так и с буквой нормы права. В конкретной обстановке судебного разбирательства полномочие делать оговорку, вытекающее из права, предусмотренного постановлениями п. 3 ст. 36, должно осуществляться в соответствии с общим духом и целью факультативной клаузулы – обеспечить обязательную юрисдикцию суда. Любые оговорки, которые допускают какие-либо изъятия на произвольной основе из обязательной юрисдикции суда, неправомерны и объявляются судом недействительными. Отсюда следует, что действия государства, которое предпринимает попытки противопоставить собственную декларацию с содержащейся в ней недействительной оговоркой другой стороне, не могут рассматриваться как со-

стоятельные в свете международного права. Соответствующая ситуация сложилась в деле о праве прохода через территорию Индии. Здесь Португалия в своей декларации от 19 декабря 1955 г. о признании обязательной юрисдикции суда сделала оговорку, согласно которой она оставляла за собой право исключать по своему усмотрению из сферы применения сказанной декларации – в любой момент на период ее действия – одну или многие определенные категории споров. Сделанная Португалией оговорка ставила ее декларацию в разряд тех деклараций, о которых говорилось выше как о несовместимых с положениями Статута Суда, поскольку фактически сводила на нет саму декларацию о признании обязательной юрисдикции суда. Ответственной была реакция Международного суда, который посчитал, что Португалия не вправе получать незаконные преимущества, противопоставляя Индии свою декларацию. Сделанная Португалией оговорка автоматически сводила юридическую связь между обеими сторонами судебного разбирательства в отношении объема признаваемой компетенции суда на уровень равенства. В решении суда на этот счет сказано: «Очевидно, что любая оговорка, сделанная Португалией в порядке применения ее третьего условия (условия, которое позволяет Португалии исключать из сферы применения своей декларации в любой момент на период ее действительности одну или многие определенные категории споров. – *Р.К.*), становится автоматически применимой против нее в отношениях с другими участниками факультативной клаузулы» [1, р. 144].

Декларация, с которой выступила Португалия, – результат противоправного и недобросовестного поведения с точки зрения выполнения на должном уровне принятых обязательств по ст. 36 Статута. На основе судебной и арбитражной практики вырабо-

тан известный принцип, который полностью применим в отношении данной ситуации. Никто не вправе получать преимущества как следствие собственных противоправных действий. Став инициатором ничтожного с точки зрения права юридического акта, государство не вправе при этом пытаться получать незаконные преимущества в результате его применения в отношении другой стороны. Принцип взаимности, действующий в отношении всех оговорок, которые делаются к декларациям о признании обязательной юрисдикции суда, выступает здесь в качестве основного регулятивного принципа, приводя юридические отношения между участниками судебного процесса на уровень равенства.

Постановлениями п. 3 ст. 36 Статута помимо оговорок на основе взаимности предусматриваются также оговорки на определенное время (*delai determine; for a certain time*), т.е. на строго установленное время. Как же здесь действует принцип *bona fides*?

По смыслу оговорки на определенное время противостоит оговорка на неопределенное время, т.е. такая оговорка, срок которой точно не установлен. Таково обычное значение термина. В данном случае нет никаких причин уходить от общепринятых понятий. И наоборот, если толковать п. 3 ст. 36 как позволяющий государствам выступать с заявлениями на неопределенный, точно не установленный срок (т.е. включающий положение о денонсации), то такое толкование было бы противоположно объекту и цели клаузулы, а также находилось бы в противоречии с принципом равенства государств. (Под объектом здесь понимается создание условий для нормального хода судебного разбирательства в полном соответствии с принципами международного права, а непосредственной целью факультативной клаузулы является обеспечение обязатель-

ной юрисдикции суда.) Чем же обусловлено столь категоричное заключение?

Дело обстоит следующим образом. Если допустить, что принятое обязательство может быть отменено в любой момент без предварительного предупреждения, то тогда была бы создана возможность для недобросовестных действий со стороны того или иного участника судебного процесса. А это бы, естественно, создало препятствие для нормального хода судебного разбирательства и поставило под сомнение саму идею обязательной юрисдикции суда. Так, государства могли бы пытаться использовать возможность для отмены декларации по собственному усмотрению как способ уклониться от выполнения принятого обязательства, например именно в тот момент, когда сам международный спор возник, или перед тем, как противоположная сторона получит время или возможность представить спор на рассмотрение суда. Поскольку юридически значимой датой при возбуждении дела является дата представления иска в суд, то для истца сразу же возникает проблема представить как можно раньше исковое заявление на рассмотрение суда, а для ответчика главное – в ответ на это денонсировать декларацию до того, как спор будет передан в суд. Положение в декларации, позволяющее государству отказаться без предварительного срока уведомления от принятой им обязательной юрисдикции, таким образом, предстает как потенциальный, хотя и гипотетический (поскольку речь идет в аспекте одного из возможных вариантов толкования п. 3 ст. 36 Статута), источник для уклонения от принятого обязательства. Это – с одной стороны. С другой стороны, государство, приняв обязательную юрисдикцию суда на определенный, точно установленный срок, тем самым подтверждает добросовестность своих намерений. Именно по указанным выше

обстоятельствам представляется очевидным, что практика принимать юрисдикцию суда на неопределенный срок находится в противоречии с положениями Статута, его объектом и целью. Такой вывод тем более справедлив в отношении деклараций, которые могут быть отменены без предварительного срока уведомления. В конечном итоге в случае, если какой-либо предварительный срок уведомления в отношении денонсации предусмотрен, то можно допустить, что в той мере, в какой цель постановления о факультативной клаузуле не нарушена, срок принятия обязательной юрисдикции, даже если он точно не установлен, по крайней мере можно определить.

Оценивая возможности выступления с декларациями о признании обязательной юрисдикции суда в свете постановлений п. 3 ст. 36, следует указать, что допустимы *ratione temporis* только декларации на строго определенное время или без какого-либо его ограничения. Соответственно, запрещаются декларации на неопределенное время, тем более если содержащиеся в них постановления о денонсации не обусловлены предварительным сроком уведомления. Логичность такого вывода, подтвержденного практикой Международного суда, очевидна. Юридическая безопасность сторон судебного процесса требует, чтобы стороны были взаимно уверены в отношении срока действия декларации. Принцип добросовестного поведения государств предполагает, что государства будут выполнять на должном уровне принятое обязательство на протяжении всего строго определенного периода времени. Сама возможность признания обязательной юрисдикции суда на неопределенное время без точно указанного срока действия в совокупности с положением о допустимости ее денонсации без предварительного срока уведомления не только не способствует обе-

спечению юридической безопасности сторон судебного разбирательства, но и прямо не согласуется с намерением выполнить на основе принципа добросовестности принятое обязательство, вытекающее из факта признания обязательной юрисдикции суда.

Говоря о том, что принцип добросовестного поведения государств предполагает выполнение на должном уровне международного обязательства, вытекающего из факта признания обязательной юрисдикции суда, необходимо поставить естественный вопрос: какие же споры в свете фактора времени покрываются этим обязательством? Прежде всего отметим, что декларация о признании обязательной юрисдикции суда покрывает собой все споры, которые представляются в суд на всем протяжении признания действительности декларации, даже если они (споры) возникли раньше самой декларации. В этом плане можно говорить, что декларация о признании обязательной юрисдикции Международного суда имеет ретроактивный характер [2, p. 35]. Соответственно обязательство содействовать на основе принципа добросовестности быстрейшему урегулированию спора через Международный суд распространяется и на споры, которые возникли до того, как было сделано заявление о признании обязательной юрисдикции суда. Можно ли отсюда утверждать, что обязательство, вытекающее из декларации, противоречит общему принципу неретроспективности и в связи с этим находится в противоречии с нормальной сущностью международного правопорядка, который сам по себе исключает обратную силу норм поведения государств? Ведь норма, которая не находится в силе в момент когда поведение государств реализуется и наличие которой в такой момент даже не предполагается государством, не в состоянии установить правила поведения для государства, обязан-

ного сообразовывать его (свое поведение) с международным правом.

Норма, о которой здесь идет речь, касается обязательства, предписывающего необходимость представить спор на рассмотрение суда в целях изыскания юридически обязательного решения. Обязательство в отношении обязательной юрисдикции суда начинается свое действие, как известно, со дня передачи новым государством-декларантом на хранение Генеральному секретарю ООН своей декларации о признании обязательной юрисдикции суда. Именно с этого дня данному государству предписывается в полной мере и на должном уровне добросовестно выполнять зафиксированное в декларации обязательство.

Суд компетентен рассматривать все дела, которые будут переданы ему сторонами. Это положение п. 1 ст. 36 распространяется даже на споры, которые возникли до выступления с заявлением о признании обязательной юрисдикции суда. Здесь не идет речь об обязательстве с ретроактивным действием. Споры могут быть текущего, переходящего и длительного порядка. В связи с этим главным здесь представляется намерение государств содействовать их окончательному урегулированию через суд. Именно это намерение определяет собой содержание обязательства, которое подлежит выполнению на основе принципа добросовестности с момента выступления государства с декларацией о признании обязательной юрисдикции суда. Направленная в будущее, декларация покрывает собой все споры независимо от конкретного времени их возникновения. Истечение срока действия декларации в процессе рассмотрения дела не является препятствием на пути завершения судебного разбирательства по данному конкретному делу и поэтому не может служить поводом для выхода из дела стороны, чья декларация прекращается. Международный суд

в своем решении от 6 апреля 1955 г. по делу Ноттебома уточнил эту мысль в следующих выражениях: «Такой внешний факт, как последующая недействительность декларации в силу прекращения срока ее действия или вследствие денонсации, не мог бы лишить суд в установленном порядке признанной компетенции» [3, р. 123]. Изложенное правило предполагает, что суд остается компетентным в отношении решения спора по существу, если он признан уже единожды компетентным в тот день, когда дело на основе письменного заявления было возбуждено в суде (ст. 40 Статута). Компетенция суда распространяется на вопрос допустимости и действительности оговорки и декларации о признании его обязательной юрисдикции. Международный суд вправе сам устанавливать совместимость сделанной оговорки с положением о факультативной клаузуле. Это решение является определяющим для всех сторон – участниц судебного процесса. Таким образом, в принципе суд уполномочен сам решать вопрос, насколько согласуется сделанная государством оговорка с принятым согласно декларации обязательством. Тем самым на основании решения суда можно судить о степени добросовестности в поведении государства при выполнении им положений факультативной клаузулы Статута Международного суда.

Режим в отношении оговорок о внутренней компетенции должен подчиняться общепризнанному принципу, согласно которому государство не может ссылаться на положения своего внутреннего права в качестве оправдания для невыполнения обязательств по отношению к другому государству, которые возложены на него в силу международного права или действующих международных договоров. Любое произвольное использование правомочий, которые предоставляет государству международное обычное право

или международная конвенция, недопустимо и справедливо рассматривается наукой международного права как злоупотребление правом. Так, применительно к международному судебному процессу рассматривается как неправомерное такое поведение, когда вопросы, ставшие по взаимной договоренности между сторонами предметом разбирательства в Международном суде, произвольно делились одной из сторон на те, которые подлежат свободному рассмотрению в суде (хотя и относятся, по мнению этой стороны, сугубо к ее внутренней компетенции – *domaine reserve*), и те, которые исключаются из юрисдикции суда в силу применения так называемой автоматической оговорки. Под автоматической оговоркой здесь понимается такая оговорка, согласно которой государство оставляет за собой право исключать юрисдикцию суда в отношении споров, относящихся исключительно к их внутренней компетенции, как она определяется данным государством. Такое постановление носит название автоматической оговорки, поскольку оно прежде всего исключает право суда решать вопрос о своей собственной компетенции в данном конкретном случае через применение п. 6 ст. 36 Статута. В этом плане изложенное здесь постановление противоречит п. 6 ст. 36. Вместе с тем автоматическая оговорка не согласуется с обязательством государств, принимаемым ими на основе односторонней декларации, представить спор на юрисдикцию суда (п. 2 ст. 36). Даже если абстрагироваться от вопроса о действительности автоматической оговорки, ее применение в области государственной деятельности, которая вне всякого сомнения связана с международным правом и не является «сферой, относящейся исключительно к внутренней деятельности», будет представлять собой злоупотребление правом. Тем самым существуют достаточные основания для

того, чтобы признать автоматическую оговорку, равно как саму декларацию, содержащую такую оговорку, недействительной с юридической точки зрения. Если право уклониться от компетенции суда признано государством без всяких ограничений, элемент принимаемого юридического обязательства считается отсутствующим. Декларация, включающая в себя признание обязательной юрисдикции суда, в таком случае, по всей вероятности, уже не составляла бы источник обязательной юрисдикции, если автоматическая оговорка в том виде, в каком она зафиксирована в декларациях ряда государств, была бы действительной. Сам факт выступления с декларацией, содержащей автоматическую оговорку, не может, как нам представляется, рассматриваться как добросовестное выполнение государством принятых им международных обязательств согласно п. 2 ст. 36 Статута.

Среди государств, чьи декларации о признании обязательной юрисдикции суда содержат автоматическую оговорку, присутствуют США и Франция. Поскольку декларации США и Франции были предметом интенсивного разбирательства в Международном суде по делу «Интерхандель» и по делу о некоторых норвежских займах, представляет значительный научный интерес обратить особое внимание на анализ этих документов.

Декларация США от 26 августа 1946 г. содержала оговорку, согласно которой обязательная юрисдикция суда не распространяется на споры, которые относятся к вопросам, входящим по существу во внутреннюю компетенцию США, как она определяется самими Соединенными Штатами Америки. Это – классический пример автоматической оговорки, которая фактически сводила на нет признание обязательной юрисдикции суда согласно ст. 36 его Статута. Автоматический характер оговорки проявляет себя в том

смысле, что США зарезервировали себе право исключить из юрисдикции суда споры, которые затрагивали вопросы, относящиеся по существу к их внутренней компетенции, как она определяется ими самими. Это положение из декларации США носит все признаки автоматической оговорки, поскольку она исключает, как представляется, право самого суда рассматривать вопрос о своей собственной компетенции, в данном случае через применение п. 6 ст. 36 Статута.

В ходе судебного разбирательства по делу «Интерхандель» Швейцарией было заявлено о недействительности не только самой автоматической оговорки, но и всей декларации США. Тем самым косвенным образом ставился под сомнение добросовестный характер выполнения принятого международного обязательства согласно факультативной клаузуле ст. 36. Насколько же обоснованны были утверждения о недействительности оговорки США и самой декларации?

Принцип обязательной юрисдикции в силу своего содержания и направленности несовместим с существованием автоматических оговорок такого рода. Допустить их значило бы представить международно-правовую основу в виде специального постановления для уклонения от принимаемого обязательства подчиниться юрисдикции суда.

Оговорка США в отношении внутренней компетенции может быть сравнима с известной оговоркой о «жизненных интересах, защите чести и интересов третьих стран», которая была в обиходе перед началом Первой мировой войны и позволяла государству-ответчику противостоять любой судебной процедуре, неприемлемой для него по тем или иным причинам.

Современное международное право устанавливает категорический запрет на любые произвольные действия государства в нарушение

буквы и духа принятых международных обязательств и тем самым подтверждает недопустимость каких-либо попыток уклониться от должного выполнения обязательств под тем предлогом, что вопрос, по мнению данного государства, входит в его внутреннюю компетенцию. В конкретных рамках судебного разбирательства по делу «Интерхандель» предметом спора был вопрос об обязательстве США о возвращении различных секвестированных авуаров указанному международному обществу. Этот вопрос, регулируемый ст. 4 договора 1946 г. между США и Швейцарией, был, без всякого сомнения, вопросом международного права, а не внутренним вопросом законодательства США. Отсюда утверждения США, что предмет спора входит в их внутреннюю компетенцию и покрывается положениями автоматической оговорки декларации, следовало рассматривать как попытку уклониться от выполнения на основе принципа добросовестности принятого обязательства о признании обязательной юрисдикции Международного суда ООН. Как следствие такого заключения существовали весьма серьезные основания для того, чтобы поставить под сомнение законность осуществленного США разделения вопросов, которые составляли предмет спора: в то время как одна часть вопросов передавалась на свободное рассмотрение суда, хотя и относилась, по мнению США, к их внутренней компетенции, другая часть вопросов исключалась из юрисдикции суда через применение автоматической оговорки. Поскольку предмет спора входил, без всякого сомнения, в область международного права, постольку попытка США применить автоматическую оговорку в отношении предмета судебного разбирательства представляла собой не что иное, как произвольное использование полномочий, предоставленных государству согласно норме

международного права. В действительности ссылка на оговорку была осуществлена произвольным образом, а именно: в целях, противоположных тем, ради которых она была сформулирована (предполагалось, что США никогда не воспользуются оговоркой к декларации с целью уклониться от обязательной юрисдикции суда под предлогом того, что спор является внутренним делом государства, а не вопросом международного права).

Добросовестное применение односторонней декларации предполагает соблюдение на должном уровне принятого международного обязательства в полном соответствии с теми целями, на достижение которых в первоначальном варианте было направлено волеизъявление данного государства. Отсюда становится очевидным вывод о недопустимости произвольной ссылки на так называемую автоматическую оговорку. Подобного рода оговорка должна толковаться на основе принципа добросовестности. Соответственно, то государство, которое попытается укрыться за ней с единственной целью – отрицать юрисдикцию суда в том случае, когда речь явно не идет «о делах, относящихся, по существу, к национальной компетенции», совершит тем самым злоупотребление правом.

Вопрос о произвольном характере ссылки на автоматическую оговорку в рамках судебного процесса является, по сути, частью более широкой проблемы. В действительности, когда государство использует предоставленные ему согласно норме международного права дискреционные полномочия произвольным образом и с явными признаками злоупотребления с его стороны, такое использование принимает характер противоправного деяния. С точки зрения права акты и действия государства в этом случае признаются недействительными. Они не могут быть противопоставлены другому государству. Общее

правило здесь таково: границы допустимого и нормального применения автоматической оговорки (если не ставить вообще вопрос о ее недействительности) считаются превзойденными, если государство ссылается на нее в области, которая совсем не связана со сферой национальной компетенции. Утверждая, что так называемая автоматическая оговорка США не может быть противопоставлена Швейцарии (в деле «Интерхандель»), мы остаемся в рамках доктринального положения, которое выступает против произвольного применения дискреционных правомочий, предоставляемых государству международным договором.

Международный договор, о котором здесь идет речь, – это, несомненно, Статут Международного суда. Если раньше вся проблема, поставленная автоматической оговоркой в декларации о признании обязательной юрисдикции, рассматривалась в аспекте недопустимости распространения ее действия на область, явно и по всем признакам выходящую за рамки внутренней компетенции государства (считалось, что оговорка не была полностью лишена действительности), то теперь в процессе дальнейшего исследования обратим наше внимание на то, насколько оговорку и саму декларацию следует считать действительными с точки зрения современного международного права. Вопрос имеет большое практическое значение, поскольку помогает определить, насколько добросовестно государство (в своем последующем после декларации поведении) выполняет принятое обязательство о признании обязательной юрисдикции суда.

Автоматическая оговорка в том виде, в каком она зафиксирована в декларациях некоторых государств (например, США и Франции), по нашему твердому убеждению, несовместима не только с самим принципом обязательной судебной или арбитражной

процедуры (п. 2 ст. 36 Статута Суда), но и с положениями п. 6 ст. 36, которые предоставляют суду компетенцию определять свою собственную компетенцию.

Статья 36 Статута Суда, хотя и допускает некоторые оговорки (о взаимности и на определенное время), предполагает необходимость соблюдения на должном уровне обязательства о признании обязательной юрисдикции суда. Это обязательство сохраняет свою действенность в той мере, в какой сам суд, а не какое-либо государство, формально признавшее его обязательную юрисдикцию, определяет границу своей компетенции. Если же право отклонить компетенцию суда было бы признано без ограничений (как это предполагалось в случае с автоматической оговоркой), то основополагающий элемент, который составлял обязательство о признании обязательной юрисдикции, просто отсутствовал бы. Отсюда следует, что автоматическая оговорка по характеру своего действия затрагивает саму суть данного обязательства и в этом плане делает одностороннюю декларацию лишённой юридического смысла и значения. Декларация, касающаяся признания обязательной юрисдикции, уже не могла бы составлять источник обязательной юрисдикции, если бы автоматическая оговорка того типа, который нашел свое выражение в декларации США о признании обязательной юрисдикции, была признана действительной.

Столь категорическое заключение в пользу того, что автоматическая оговорка лишает одностороннюю декларацию юридического смысла и значения, обусловлено следующими обстоятельствами. Статья 36 Статута истолковывалась государствами, сделавшими автоматическую оговорку к своим декларациям о признании обязательной юрисдикции, как допускавшая такого рода оговорку. Тем самым косвенным образом оправдывалось нарушение

принципа добросовестности при соблюдении обязательства о признании обязательной юрисдикции суда и тем самым оправдывалось несоблюдение духа и норм самого Статута. Между тем известно, что ни сами составители Статута, ни, соответственно, материализованный продукт их творчества – текст Статута не предполагали, что оговорки к декларациям о присоединении к факультативной клаузуле могли бы в какой-либо степени позволить государству уклониться от обязательства, которое влечет за собой принятие декларации (предусмотренной положениями п. 2 ст. 36 Статута), либо в одностороннем порядке воспользоваться правами, которыми согласно Статуту наделен только сам суд (согласно п. 6 ст. 36). Вполне справедливо и уместно заявить еще раз о недействительности создания такого международно-правового режима, при котором государство оговаривало бы возможность само решать, что есть право. Логичный вывод из сказанного таков: автоматическая оговорка к декларациям о признании обязательной юрисдикции суда недействительна с самого начала и, соответственно, не могла порождать те юридические последствия, на которые первоначально была направлена воля субъекта этой оговорки. Соответственно, участники Статута, как и третьи государства, могли рассматривать автоматические оговорки как не действовавшие вообще. Лишать принимаемое международное обязательство его существенного элемента, составляющего его суть, значит в действительности не принимать международное обязательство вообще.

Российская Федерация как добросовестный участник системы международных правоотношений предметно ориентировано на последовательное применение предписаний п. 2 ст. 2 Устава ООН в отношении установленного общего требования, согласно которому «все члены Организации

Объединенных Наций добросовестно выполняют принятые на себя по настоящему Уставу обязательства, чтобы обеспечить им всем в совокупности права и преимущества, вытекающие из принадлежности к составу членов Организации». Односторонние заявления о признании обязательной юрисдикции Международного суда согласно п. 2 ст. 36 образуют мировую конвенционную систему. В этом смысле заявление государств о том «что они признают без особого о том соглашения *ipso facto* в отношении любого иного государства, принявшего такое же обязательство, юрисдикцию Суда обязательной», носят безальтернативный характер в плане изъятий (через оговорки) из общего режима принятого международного обязательства.

Мировое сообщество по факту принятия основополагающих документов современности (Декларация тысячелетия 2000 г., Итоговый документ Всемирного саммита 2005 г.) подтвердило по факту уже имеюще-

гося нормоустановительного юридического акта (Устав ООН 1945 г.) свою приверженность верховенству права. Постулаты верховенства права в формате включенности Международного суда в процесс по обеспечению права ориентируют всех членов ООН на добросовестное выполнение принятых на себя по настоящему Уставу обязательств (п. 2 ст. 2 Устава ООН). Добросовестное выполнение международных обязательств по своему юридическому наполнению заранее исключает возникновение каких-либо споров по обстоятельствам несоблюдения международно-правовых предписаний должного поведения. И, соответственно, потребность мирного разрешения споров сама по себе отпадает. Поддержание режима целостности системы современного международного права выступает в этом плане определяющим фактором поведения государств в рамках миропорядка на основе верховенства права.

Библиография:

1. CIJ. Recueil 1957. P. 144.
2. CPJI . Serie A. N 2. P. 35.
3. CIJ. Recueil 1953. P. 123